ИНТЕРВЬЮ

«Нам нужна новая научная парадигма...»: Интервью с А. М. Кузнецовым

doi: 10.24866/2542-1611/2017-4/108-118

В декабре 2017 года Анатолий Михайлович Кузнецов отпраздновал 65-летний юбилей. Редакция поздравляет Анатолия Михайловича с этим знаменательным событием. Мы желаем профессору Кузнецову благодарных учеников и новых достижений в широкой области его научных интересов.

¹ Интервью провёл
А. А. Киреев.

ИВИ¹: Первый вопрос, который я хотел бы задать, касается раннего периода Вашей научной деятельности, Анатолий Михайлович. Исследования, с которых Вы начинали путь в науке, касались вопросов археологии, можно ли проследить какую-то преемственность между работами того времени и научными изысканиями, которые Вы проводите сегодня?

А. М. Кузнецов: Хороший вопрос, тем более что учёный должен постоянно рефлексировать по поводу своего пути.

ИВИ: Учитывая, что нынешняя область изысканий находится довольно далеко.

А. М. К.: Да, да. Связь здесь есть, хотя она неявная. В чём сугубо практическое значение археологии: она помогает, в отличие от истории, не говоря о других общественных дисциплинах, уйти от некоторой виртуальности изучаемых явлений. Археология очень конкретная, очень предметная, и когда ты находишься непосредственно в каких-то обстоятельствах, условиях, которые были в древности, ты можешь реально наблюдать эти следы, что создаёт совершенно другие образы прошлого и вообще реальности. Самое же главное, что оказало на меня воздействие, это теоретическая археология. Она сильна тем, что её предмет удалён от современности; зачастую нам непонятен смысл того, что нам открывается, приходится заниматься более сложными процедурами; это позволяет уйти от фантазий на реальные смыслы этих артефактов прошлого. И отсюда целый ряд достижений, особенно связанных с областью типологии, процедур реконструирования различных аспектов прошлого. Именно тогда эти вопросы вывели меня на проблемы семиотики, психологии познания, на системный анализ и вообще на самый передовой арсенал современной науки. Ведь, чтобы продвинуться в понимании прошлого, было необходимо верифицировать результаты размышлений непосредственно на материалах прошлого. Этой процедуре должны предшествовать глубокие теоретические, концептуальные разработки. К сожалению, многие археологи, особенно на местах, не утруждают себя подобными теоретическими изысканиями. Они так и остаются специалистами по своим памятникам.

ИВИ: Вы являетесь автором большого количества публикаций, я даже не могу назвать точные цифры, будем исходить из того, что опубликованных на настоящий момент более сотни. Какие работы Вы считаете для себя ключевыми и, может быть, вехами своей научной биографии, можно ли как-то этот массив публикаций структурировать, сгруппировать работы по каким-то направлениям, по тому или иному принципу: предметному, методологическому и т. д.

А.М.К.: Да, конечно, у некоторых авторов список публикаций заметно больше, но я по этому поводу не испытываю беспокойства, потому что я делаю публикацию не ради публикации, а как итог решения определённой научной задачи. Что касается приоритетов, то лучше избрать масштаб не отдельных публикаций, а как-то их сгруппировать.

Для меня предметом гордости является блок публикаций, связанных с изучением и освоением научного наследия Сергея Михайловича Широкого. Ведь именно мы в Дальневосточном университете ещё с 1998 года в преддверии празднования столетия Дальневосточного государственного университета начали эту работу, и она продолжает-

Рис. 1.
Анатолий Михайлович Кузнецов в Палеонтологическом музее Калифорнийского ун-та в мае 2012 года
Источник:
архив
А.М. Кузнецова.

ся до настоящего времени. К сожалению, из-за того, что приходится отвлекаться на другие задания, эти исследования проводятся не всегда достаточно целенаправленно и не столь результативно, тем не менее, эта работа не останавливается. Когда мы начинали, фактически никто С. М. Широкогорым и его работами уже не интересовался. Со временем, однако, начался рост интереса к наследию и к личности нашего замечательного учёного. Начать с того, что не самый последний человек в политических науках, А. Г. Дугин в 2010 г. переиздал работу Широкогорова «Этнос...» со своим предисловием. В нём Дугин позиционировал себя в качестве первооткрывателя этого автора. Главное же здесь то, что это и другие следовавшие затем переиздания закрепляли признание значимости идей Широкогорова для современной науки. Так, в 2011 г. два московских издательства снова переиздали работу «Этнос...», а в настоящее время реализуются международные проекты, связанные с наследием С. М. Широкогорова, в которых задействованы британские, петербургские и московские специалисты. Они создали на основе фотоархива Сергея Михайловича в Петербурге выставку его этнографических фотографий и с нею ездят по миру. Знаю, что эта выставка уже была в Пекине. Заслугой этого коллектива является также перевод и издание на русском языке значимой работы Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов», которая до настоящего времени не утратила значения.

К сожалению, снова появляются авторы, которые пытаются дискредитировать самого Сергея Михайловича, его наследие, в частности, в подборке материалов к 130-летию нашего замечательного учёного, вышла статья «Сергей Широкогоров – этнограф или политик?», где автор попытался его подать как политика, который совершенно некомпетентен в вопросах этнографии, антропологии. Пришлось дать ответ. Досадно, что авторы обращаются к владивостокскому периоду жизни С. М. Широкогорова, не имея толком представлений о документальной базе, откровенно перевирают конкретные факты, события. Поэтому необходимо продолжать это направление исследований, потому что именно теория этноса, включая концепцию психоментального комплекса, Сергея Михайловича Широкогорова до настоящего времени имеет большой неиспользованный эвристический потенциал.

Что касается другого блока моих публикаций, то он логически связан с первым и касается проблем этнополитики. Как показывает современное состояние этой новой дисциплины, заниматься этнополитикой, не ориентируясь в проблемах этнологии, не владея теорией этноса, неэффективно. Но для занятий этнополитологией требуется ещё и компетентность в области политических наук. Многие же авторы до сих пор ведут дебаты только под таким углом зрения: этнополитология это одна из дисциплин, которые относятся не то к этнологии и антропологии, не то к политической науке, но на каких-то заведомо второстепенных, третьестепенных ролях. На мой взгляд, это совершенно неверно, поскольку этнополитология уже в силу самого названия и задач является комплексной, междисциплинарной отраслью знаний по своей сути. Необходимо создать глубокую теорию, которая бы совмещала на более высоком уровне теорию политической системы и теорию этноса. А это уже выводит нас в плоскость дискуссионных проблем теории нации. И только после того, как будут

решены эти проблемы, будут основания говорить о том, что этнополитология сможет реализовать свой потенциал в решении актуальных практических задач. Поэтому я считаю, что наша совместная работа с И. Н. Золотухиным «Этнополитическая история АТР в конце XX – начале XXI вв.» знаменует важный этап, когда мы по-новому осмысливали обширный материал нашего региона с позиций указанных подходов к этнополитологии.

Следующий блок публикаций касается уже теоретических, вопросов, связанных с развитием методологии системных исследований в социально-гуманитарной сфере. Но это отдельная тема, к которой, я думаю, мы потом должны ещё вернуться.

ИВИ: Вы уже упомянули область, о которой я хотел спросить – область этнополитологии. Вы являетесь в ней специалистом, и я хотел бы узнать, какие этнополитические проблемы являются сегодня наиболее актуальными для российского Дальнего Востока и, может быть, даже, для нашей страны в целом?

А.М.К.: Кто и в чём является специалистом в условиях вызова постмодернизма, сказать сложно. Поэтому сначала я поставлю вопрос: а каково вообще значение этнополитологии в современных условиях? Как показали недавние события в Каталонии и Шотландии, те испытания, через которые не так давно пришлось пройти нашей стране, сегодня одной из наиболее острых остаётся проблема этно-сепаратизма. А, учитывая полиэтничный, многонациональный характер населения нашей страны, такой вопрос остаётся одним из наиболее злободневных для любой страны с полиэтничным составом населения. Проблема в том, что вопрос, как нам предотвратить сепаратистские выступления, пока не получил сколько-нибудь убедительного решения. Главная причина такого положения дел заключается в нерешённости ряда принципиальных, концептуальных вопросов. Обобщение накопленного опыта показывает, что основным кандидатом на роль предъявления прав на самоопределение, являются, прежде всего общности, которые имели в прошлом свою государственность, та же каталонская и шотландская общности, либо сформировавшиеся этнические общности. Отсюда возникает вопрос, а что такое этническая общность? К сожалению, здесь у нас плюрализм мнений, нет чётких определений. Однако теория Широкогорова показывает, что этническая общность обладает самосознанием, отличает себя от других общностей такого рода на основе сформировавшегося у неё психоментального комплекса. Как написал мой заочный оппонент, канадский политический философ Уилл Кимлика, наша задача заключается в том, чтобы разорвать связь между идеей о том, что только самостоятельное государство может сохранить нашу этническую самобытность. Как это можно сделать – это те вопросы, которыми мы и занимаемся.

ИВИ: Именно в таком ракурсе это актуально для российского Дальнего Востока?

А.М.К.: Не только для нашего региона, это вообще актуальная проблема для всего мира. Что касается российского Дальнего Востока, здесь следует учитывать приграничное положение нашего региона и то, что происходит с его населением. В результате миграций последних десятилетий у нас усложнилась этническая картина за счёт новых потоков из республик бывшего СССР. В этих условиях

существует серьёзная проблема разобщённости основных групп населения. А применительно к пограничному положению региона это является фактором, реально ослабляющим наши позиции в сфере национальной безопасности. Как представляется, задача заключается в том, чтобы максимально консолидировать все существующие группы этнического порядка в нашем регионе, чтобы мы реально чувствовали себя представителями единой общности – многонационального народа Российской Федерации. Если это удастся, мы решим очень много проблем. Вопрос только в том, какие у нас есть для этого возможности, каковы реальные рычаги воздействия на этот этнополитический процесс. Сейчас у нас уже есть целый ряд организаций, в том числе Ассамблея народов Приморского края, занимающиеся этими вопросами. Вклад в решение вопроса вносит и Департамент внутренней политики краевой администрации. Но некоторые специалисты, которые находятся в Москве и в других наших европейских центрах, несколько иначе видят этнополитические проблемы как страны в целом, так и нашего региона. Это тот самый плюрализм мнений, который становится препятствием для решения основной задачи. Но необходимо преодолевать и эти препятствия.

ИВИ: Если несколько изменить ракурс вопроса, сформулировать его так: насколько благополучна политическая ситуация на российском Дальнем Востоке в сравнении с другими регионами России?

А. М. К.: Ситуация в нашем регионе более стабильна по сравнению с тем, что мы наблюдаем на Северном Кавказе или в Поволжском регионе. Но в том же Поволжье проживает примерно 65 млн. человек, а на территории Дальнего Востока около 6 млн. Естественно, что в европейской части России этнические проблемы приобретают большую выраженность. У нас же, в силу малочисленности населения, происходят другие процессы: представители отдельных групп, отдельных диаспор консолидируются, в то время как в европейской части страны, они остаются ещё во многом изолированными. И поэтому есть реальная возможность добиться большего единения, но над этим надо работать.

ИВИ: Следующий вопрос тесно связан с предыдущими, потому что это вопрос из области методологии. Можете ли Вы отметить какие-то интересные, на Ваш взгляд, перспективные новации, которые появились в методологии социальных исследований в последнее время? И, поскольку Вы особенно активно занимались системным подходом, продолжается ли процесс обновления этого подхода в настоящее время, и на какие именно тенденции в его развитии стоит вообще всем нам как исследователям обратить внимание?

А. М. К.: Мы уже эту тему затрагивали в прошлый раз, к сожалению, должен констатировать, что положение не очень изменилось к лучшему, но, как говорится, уж как есть. В целом мы видим снижение уровня исследований в области теории и методологии буквально по всем линиям, по всем фронтам. Кстати, мой курс «Основы системного анализа международных отношений» снят из учебного плана, очевидно, как неактуальный...

ИВИ: С чем это связано? Может быть, есть какие-то общие предпосылки?

А. М. К.: Да, есть некие общие предпосылки. Они связаны с тем, что в современных условиях не только у нас, но и в мире изменилось

положение науки и отношение науки к обществу. Науку всё чаще рассматривают прагматически, как способ решения сугубо конкретных практических задач, которые должны выполняться через заказы; инициатива учёных уже не имеет значения. Я считаю, что теория и методология это то, что для самой науки очень важно, хотя и выглядит отвлечённо от насущных задач. Без необходимого уровня развития общенаучной теории и методологии рассчитывать, что нам удастся успешно решать какие-то практические задачи в социально-гуманитарной сфере, не приходится. В своё время и биологов шельмовали за то, что они занимаются мухами, а не реальными сельскохозяйственными проблемами.

Напомню, что 2017 год у нас был юбилейный. Мы отмечали 100-летие Великой русской революции, и мне посчастливилось побывать на двух конференциях в Москве и на конференции в Санкт-Петербурге, которые были посвящены этой тематике. Примечательно, что наши историки сделали несколько значимых шагов к пониманию сущности революции. Первое, что сделали историки, объединили Февраль и Октябрь в единый революционный процесс. Мало того, они теперь включают в него ещё гражданскую войну и даже начальный период восстановления хозяйства после окончания гражданской войны, доводя его до середины 20-х годов. Однако существуют и другие исторические подходы, которые позволили бы достигнуть соответствующих результатов гораздо раньше. Я говорю об истории больших длительностей, которую развивал известный французский историк Фернан Бродель, где эта идея уже изначально заложена. Бродель показывал, что такое событие, как Великая французская революция, при подобном подходе просто растворяется во времени, а вот её значение и её последствия позволяют фиксировать значимый эффект. Есть ещё и макроистория. Так что если сразу опираться на хорошую, качественную теорию, мы можем сэкономить очень много сил и средств в понимании таких важных событий. Бросается в глаза, что именно теоретические вопросы на этих конференциях, к сожалению, не имели особого значения, а участники предпочитали обсуждать конкретно-исторические проблемы.

ИВИ: Можно ли это определить как отсутствие социального заказа на новую методологию? Или это упрощённая точка зрения?

А. М. К.: В том то и дело, что современному обществу теория, методология непонятны в силу избыточного прагматизма представлений о познании. Отсюда о каком-то социальном заказе говорить не приходится, хотя востребованность той же революционной тематики, точнее проблем социально-политической динамики и устойчивости, значительная. Я обратил внимание на две конференции, первая «Как мы изучаем революцию», которую проводил архив, по-моему, социально-политической истории. Действительно, вопрос, как мы должны изучать революцию, становится очень актуальным хотя бы потому, что слишком уж много оказывается у нас революций. На конференции я услышал и об украинской революции 1918 года, об австрийской революции этого же времени и т.д. Когда в 50-е годы в Латинской Америке были регулярные военные перевороты, («революции»), то появилась такая шутка: группа экскурсантов приехала смотреть революцию, и когда их спросили, какое впечатление они вынесли из увиденного, то ответ был такой: «Всё замечательно,

нам особенно понравились пятая, седьмая и одиннадцатая революции». Плюрализм с революциями замазывает саму картину, и трудно понять, где собственно революция, где элементарные бунты, где восстания и т.д. Была интересная по посылу конференция в Санкт-Петербурге, которая так и называлась: «Чему нас ещё не научили революции?» К сожалению, выйти на глубинные причины, которые определяют революции, мы пока не можем, для этого требуется более основательные теоретико-методологические разработки. Но отрицать возможность повторения таких социально-политических явлений, как революция, мы не можем.

Прежде чем перейти к системности в новых перспективных направлениях, хочу сказать, что мне было очень интересно познакомиться с направлением, которое получило название «культурная социология» или «культур-социология». Одним из активных авторов, продвигающих эту идею, является американский теоретик Джеффри Александер. Он провёл анализ обстоятельств, приведших к появлению теории и практики Холокоста, и на основании глубокого анализа материалов СМИ и научной литературы сумел убедительно показать привязанность темы Холокоста к актуальным проблемам внешней политики США конца 60-х годов. Это действительно показывает, насколько интересные результаты могут давать кропотливые исследования. Но мне кажется, что Дж. Александер и его сторонники не сумели сделать ещё один важный шаг. Да, они детально анализируют нетрадиционные источники, в том числе такие, как, скажем, СМИ, но они не делают решающего шага – связать появление этих источников с определёнными взглядами и представлениями их авторов и тех людей, которых они описывали. И вот это нас выводит в самую актуальную область, которая сегодня получила название нейронауки («нейроэкономика», «нейросоциология», «нейрополитология»), которая ставит задачей понять, каким образом люди приходят к принятию тех или иных решений, от которых зависят конкретные действия и результаты. Однако для того, чтобы всё это сделать, для того, чтобы эти темы (проблемы революции, кризисов, устойчивости социально-политического развития) исследовать, необходим инструментарий именно системной теории, потому что ничего другого, к сожалению, пока что не удалось создать. Поспешные попытки использовать потенциал системной парадигмы в решении социально-экономических проблем привели к результатам, которые её дискредитировали.

В области естественных наук системная теория развивалась последовательно, используя этот потенциал, мы можем исправить положение и в нашей социально-гуманитарной сфере. При этом показательно, что те же физики, те же биологи, решая свои проблемы, были вынуждены прийти к тем категориям, которые считались преимущественно сферой гуманитариев. Например, биологи пришли к идее, что даже на уровне биологических систем есть свои «знания» и есть своё «сознание», потому что иначе невозможно объяснить целостность поведения биологических систем. Физики, решая проблемы, связанные, прежде всего, с концептом сложности, поставили очень важную проблему наблюдателя и его роли в результатах исследования. А это имеет прямое отношение и к проблемам исторической науки, и к другим проблемам социально-гуманитарного плана. Поняв, каким образом мы можем корректно переносить достижения

из области естественных наук в нашу социально-гуманитарную сферу, мы можем обрести необходимый инструментарий для решения наших проблем.

Но почему оказались несостоятельными предшествующие попытки внедрения аппарата системной парадигмы? На мой взгляд, это связано с тем, что мы либо игнорировали, либо недостаточно были готовы к тому, чтобы оценивать роль человека в этих процессах. И вот сегодня, когда проблема осознана, перспективными являются разработки определённых направлений антропологии. Сначала развивалась социально-культурная антропология, потом появилась политическая историческая антропология, точно так же существует антропология управления, и настало время говорить о других антропологиях, которые будут обсуждать и будут реально нам демонстрировать, каким образом и как участие человека приводит к определённым результатам в социально-политической сфере.

ИВИ: Хорошо, тогда следующий вопрос. Я знаю, что Вы не очень любите широкие формулировки, но тем не менее... Какую оценку Вы могли бы дать нынешнему состоянию социогуманитарной науки и образования в нашей стране. И несколько конкретизируя, что Вы думаете о происходящей в настоящее время реформе Академии наук и связанных с ней преобразованиях в области вузовской науки?

А. М. К.: Ну, во-первых, как говорит Е. Я. Сатановский, – это вопрос не по моей зарплате. По поводу проблем образования я хотел бы отослать аудиторию к статье Ольги Четвериковой, которая обсуждает эти проблемы очень, на мой взгляд, компетентно. Касаясь состояния научных исследований, ограничусь впечатлением от участия в одном из заседаний клуба «Валдай» и на некоторых других представительных площадках. Очень известные эксперты в различных областях откровенно признавались – они не понимают сами, что происходит сегодня в мире, указывали, что нам необходимы совершенно новые средства для работы с новой реальностью. Конечно, упоминался «трампизм», конечно речь шла о «брекзите» и о многих других очень злободневных и актуальных проблемах. Первым, на мой взгляд, осуществил прорыв из ситуации неопределённости наш известный исследователь-международник А. В. Кортунов, опубликовав статью «От постмодерна к неомодерну». Основной его посыл в том, что эпоха постмодернизма, на протяжении последнего полувека во многом определявшая характер науки (прежде всего социально-гуманитарной), завершилась, и поэтому нам необходимо переходить к чему-то новому. И это очень примечательно, потому что такие идеи перекликаются в том числе со знаменитыми кондратьевскими циклами, которые тоже имеют продолжительность около полувека, и с целым рядом других очень важных наблюдений.

Сегодня у нас очень интересный момент, когда действительно завершился очередной цикл развития науки, социально-гуманитарной науки в первую очередь, и когда в результате динамизма современности наша реальность настолько изменилась, что прежние познавательные средства оказываются неэффективными. И нам нужны, повторяюсь, новые средства: обновлённый потенциал системной парадигмы, который мы дополняем необходимыми компетенциями в области антропологии; и вот на этой основе нам может быть удастся более адекватно описывать современную реальность.

Попробую аргументировать этот тезис более основательно. Кроме ситуации неопределённости мы сегодня оказываемся перед серьёзным антропологическим вызовом человечеству. Этот вызов обусловлен технологическими достижениями в области ИТ, искусственного интеллекта, внедрением бренда сингулярности, новой вспышкой трансгуманизма и рядом других новшеств. Раньше в ответ на всякие выпады по поводу несостоятельности социально-гуманитарных наук я ограничивался такими контртезисами. Чем занимается физика? В основном неживой материей. Чем занимается биология? Преимущественно живой материей. Чем занимаются гуманитарии? Разумной материей и результатами её деятельности. И кому сложнее работать?

Сегодня же развёрнуто наступление на человека как наиболее слабое звено в современном высокотехнологизированном мире, который становится всё больше постчеловеческим. Новые технологии обещают решить проблемы болезней, голода и даже сулят вечную жизнь, переводя нас в некие информационно-голографические матрицы и т. д. Успехи в робототехнике, позволившие создавать более совершенные образцы роботов-андроидов, скоро сделают ненужными массу профессий, включая работников ручного труда, кассиров и даже части юристов. Мало того, с роботами связывают и новый виток успеха в защите... прав человека и прочая. Всё это напоминает кибернетистский энтузиазм 1960-х. Тогда все ждали светлого будущего на основе технического «прогресса». В результате мы получили только новый пакет социально-политических проблем. Несмотря на появление более совершенных технологий, которые, как обещали, сделают бессмысленными войны, другие, более изощрённые – локальные, гибридные и проч. – войны остаются реальностью нашего мира. Чтение мантр по поводу Big Data может впечатлить тех, кто не знаком с концептом «информационный взрыв», с которым «продвинутые» гуманитарии работают уже с 1960-х.

Привлекательность всех этих искусственных, цифровых и прочих «приманок» в значительной степени основывается на обещании быстрых результатов в решении застарелых социальных проблем. Но мы-то помним про взлёт «народного академика» Лысенко, который занимался ровно этим же самым. Конечно, никто не призывает бороться с техническими усовершенствованиями. Но дело в том, что мы недостаточно понимаем свой разум («естественный интеллект»), его возможности. Это слишком серьёзная задача и для современной науки. Но в этой ситуации полагаться на ещё непонятые перспективы с многообещающими, самообучающимися техно-устройствами – не самая разумная стратегия. Так что призыв Сократа «γνῶθι σεαυτόν» («познай самого себя»), остаётся более чем актуальным. Поэтому новая антропология на основе системного анализа – это реальная перспектива выхода нашей отрасли знаний из кризиса, в котором она пока оказалась. Конечно, мало ли что мы можем напридумывать здесь, во Владивостоке. Кто мы, в конце концов, такие, чтобы обо всём этом рассуждать!? Но если в конце прошлого года «Римский клуб» выпустил к своему пятидесятилетию второй за всю его историю консолидированный Доклад под названием «Come on!», в котором его авторы призывают нас быть осторожными с повальной диджитализацией и техноутопизмом, культивировать интегральное мышление, то

значит и мы здесь в «далёкой окраине» можем быть на верном пути. В любом случае, если современная наука – это, по утверждению некоторых авторов, семьдесят тысяч различных дисциплин, то в процессе дробления предел уже достигнут. Сегодня пришло время «собирать камни» и желательно, чтобы это делал не только искусственный интеллект, работающий по неким соответствиям и непонятным для нас «чёрным ящикам», а мы сами.

ИВИ: А что Вы думаете о самой идее замещения в России академической науки вузовской?

А. М. К.: Ну что ж, наш министр образования недавно с гордостью сообщила, что уже 53% российской науки – это вузы, и она надеется, что в скором времени удастся ещё увеличить этот процент. И задача эта, может быть, была бы вполне разумной, если бы не одно «но»: поскольку на вузы сейчас возлагаются и возлагаются какие-то ещё новые задачи сугубо учебного плана и какого-то ещё «инновационного», не имеющие отношения к науке, то каким образом всё это совмещать с активной научной деятельностью, не очень понятно.

ИВИ: С Вашей точки зрения, какие традиции академической науки являются наиболее ценными и какие из них заслуживают сбережения новым поколением российских учёных?

А. М. К.: Вопрос очень актуальный, мы видим, как в той же науке о международных отношениях начался очень показательный процесс, связанный с формированием так называемых «незападных» теорий. И действительно, мы видим, что если в течение долгого времени все в основном ориентировались на наработки либо американцев, либо европейцев, то сегодня процесс приобретает совершенно другую направленность: и Китай, отчасти и Корея, и Япония, очень активно также Индия начинают разрабатывать собственные концепции освещения и международных отношений, и истории, и каких-то внутренних проблем. Это связано с тем, что в последнее время идёт речь о существовании разных национальных научных школ, которые определённым образом занимаются анализом тех или иных проблем.

Мы можем говорить, что у нас существовала и ещё сохраняется своя национальная научная школа, которую мы порядком покритиковали за её марксистско-ленинскую «ограниченность», от которой пытались отойти, что, на мой взгляд, совершенно неправомерно. Отечественное социально-гуманитарное знание имеет несколько очень важных достижений, которые могут быть активно использованы и в наше время. Речь идёт прежде всего о русском формализме, известном ещё под другими названиями: у нас формировалась своя собственная традиция структурного анализа и системных исследований. Это начиналось в области лингвистики, в области литературоведения, фольклористики – здесь надо особо отметить работы В. Я. Проппа, – а затем успешно продвигалось и в другие области науки. Кроме того, если посмотреть на западные традиции, то там наблюдается вполне отчётливый крен в сторону конкретных исследований, прикладных исследований, всякого рода анализа, связанного с функционированием каких-то явлений и т.д. У нас же с самого начала в науки закладывались традиции холистического, т.е. целостного подхода к анализу явлений, а не их разделение на составные части. И вот именно такой подход, на мой взгляд, является сегодня наиболее актуальным, потому что одно дело вести речь о междисциплинарных исследованиях,

результатов которых так и нет, а эти междисциплинарные исследования возможны только на основе, которая даёт представление о сущности, целостности рассматриваемых явлений и проблем. И вот наши классики, уже упомянутый Владимир Яковлевич Пропп, тот же Михаил Михайлович Бахтин и целый ряд других выдающихся деятелей, тот же Лев Семёнович Выготский, если говорить о психологии, а точнее о культурно-исторической школе советской психологии, – это тот задел, который нам было бы неплохо освоить. Сюда же относится и Сергей Михайлович Широкогоров с теорией этноса, включающей концепцию психоментального комплекса. Если мы это сумеем сохранить и осмыслить, тогда у нашей научной школы есть место в науке будущего.

ИВИ: Спасибо. В завершение я хотел бы задать ещё один вопрос, тоже довольно крупный. На какие темы, проблемы и подходы Вы посоветовали бы обратить внимание тем молодым исследователям, которые сегодня начинают профессиональную деятельность? И вообще, какие рекомендации самого общего, может быть фундаментального порядка Вы могли бы им дать?

А. М. К.: Вопрос очень своевременный. Осмысливая собственный опыт, я понимаю: во многом мне удалось что-то понять благодаря включению в традицию, которая уже существовала в нашей науке. Это удалось сделать благодаря стажировке, а потом обучению в аспирантуре в Ленинграде, поскольку там уже были собственные, в том числе теоретические центры, участие в которых позволило выйти на передний фронт науки. Неслучайно вопросы, которые мы обсуждали в ЛГУ на семинаре ещё в конце 70-х, по-прежнему остаются на слуху, о них ещё идут дебаты. Главное не быть робинзоном-одиначкой, а постараться включиться в определённую традицию. Конечно, сегодня у наших молодых коллег есть преимущество – свободная возможность побывать в зарубежных центрах, но при этом следует понимать, что эти центры работают в рамках собственных традиций. Имея за плечами образование, которое ещё не полностью переведено под их стандарты, пытаться «с ходу» включиться в эти традиции – тут получится не синтез, а одна эклектика, которая будет совсем не в помощь. Нам важно это понимать и стараться обеспечить живую связь поколений, преемственность для того, чтобы поддерживать собственную научную традицию. При этом не менее важно активно осваивать и опыт других научных национальных школ, но в сравнении с нашей собственной. Тогда это действительно может привести к каким-то серьёзным результатам. Кроме того, следует помнить английскую народную песню, переведённую Самуилом Маршаком: поросята не могут по-взрослому хрюкать, а могут только визжать; поэтому они вообще замолчали, так как хотели сразу быть похожими на взрослых. То есть если не можешь говорить «хрю-хрю», визжи и не стесняйся. У молодых учёных есть право на ошибку, они должны пройти стадию ученичества со всеми издержками, не надо бояться каких-то первых неудач, они естественны. Но при этом важно, чтобы рядом был кто-то, кто смог бы указать на ошибки и подсказать, как их исправить. Кроме того, надо всегда стремиться к чему-то большему, а для этого важно не забывать о значении теории и методологии в науке.

ИВИ: Все мои вопросы исчерпаны, спасибо Вам за интервью.

А. М. К.: Спасибо за вопросы, мне было интересно.